

В.В. Старостенко (Могилев)

**ОБРАЗ АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО
В СТАРОБЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XII – XVII вв.**

В отечественной литературе, начиная с эпохи Киевской Руси, активно используется образ Андрея Первозванного. Имя апостола, впервые упомянутого в новозаветных текстах, с IX в. активно эксплуатирует Константинополь, трактуя его миссионерское служение в восточной части Римской империи как апостольское крещение Византии. Во второй половине

XI – начале XII в. формируется новая – «русская» – версия сказания об Андрее, причем география его миссионерства охватывает и территорию Приднепровья.

«Повесть временных лет», упоминая о проповеди апостолом Евангелия в Синопе и Корсуне, добавляет, что тот «...проиде въ вустье Днепрское, и отголь поиде по Днѣпру горь... и ста подь горами на березь. И... рече к сущимъ с нимъ ученикомъ: “Видите ли горы сия – яко на сихъ горахъ восияеть благодать божья; имать и градъ великъ быти и церкви многи богъ въздвигнути имать”. И вышедъ на горы сия, благослови я, и постави крестъ”...» [4, с. 12]. Киевская Русь обрела, таким образом, своего «собственного апостола», что призвано было доказать древность «русского» православия, подчеркнуть особое место «Руси» в христианском мире, ее богоизбранность, утвердить авторитет Киевской митрополии.

Фигура Андрея подходила для этого идеально, так как он считался не просто одним из учеников Христа, а «первозванным» – первым, кто был призван к апостольскому служению (Иоанн, 1:41). Это обстоятельство имело для православия чрезвычайную актуальность в свете окончательного размежевания в 1054 г. западного и восточного христианства. Одновременно легенда об Андрее использовалась на «Руси» и против гегемонистских претензий Византии. В области религиозно-политической идеологии здесь уже в XI – XII вв. противоборствовали две «партии»: «русская» и «византийская». Идеологи первой (Иларион, К. Смолятич и др.), в отличие от «византийцев» (К. Туровский, др.), ратовали за церковную самостоятельность «Руси». Это было характерно и для «Повести временных лет»: Византия приняла крещение от Андрея, но и «Русь» тоже благословлена им; получив аналогичную благодать, она обрела право на равный церковный статус.

Сказание об Андрее Первозванном в течение многих столетий служило религиозно-политическим интересам восточных славян. В России оно содействовало становлению великодержавной идеологии, а богословской мыслью белорусско-украинской «Руси» использовалось с церковно-охранительными целями. В отличие от России, где православие являлось государственной религией, белорусско-украинское православное сообщество существовало в поликонфессиональной среде ВКЛ и Речи Посполитой, где государственный статус имел римо-католицизм. Относительная веротерпимость, достигшая своего апогея во второй половине XVI в. («золотой век»), сменилась феодально-католической контрреформацией и введением церковной унии (1596). В этих условиях особую актуальность приобрела защита этнокультурного и религиозно-церковного суверенитета.

Православные авторы все чаще обращаются к историческому наследию, истокам вероисповедных традиций «Руси». Так, «Палинодия» З. Ко-

пыстенского содержала специальный раздел «О защности и мужестве народу Российского», посвященный истории древних славян. Писатель призывает соотечественников познавать «старину», гордиться своим «славным и сильным народом Российским», которому благоволил сам Бог, уполномочив «апостола Росского» Андрея Первозванного даровать «Руси» истинную, православную веру [3, с. 966-1107]. Использование летописного сказания об апостоле преследовало идеологическую цель – доказать независимый от католического Запада религиозно-культурный статус «Руси». Примерно в то же время в Загоровский поэтический сборник был включен рассказ «Како Андрей св. Апостол пришел в Киев град к неверным». В отличие от «Палинодии» загоровский сюжет имеет более выраженный теологический характер, содержит полемику с «папезскіми ловцами», доказывает, что «не наши суть пастыри западныи отцы» [6, с. 187-189].

В условиях усилившегося почитания Андрея Первозванного на соборе Киевской митрополии 1621 г. в его честь был установлен церковный праздник [2, с. 49-50]. Со времени «Патерикона» (1635) моголевского епископа С. Косова [1, с. 448-472] миссия апостола Андрея стала рассматриваться первым этапом христианизации «Руси».

Сказание об апостоле Андрее не ограничивалось рамками богословской мысли, о чем свидетельствует Моголевская хроника Т. Сурты. Изложение истории «нашего славного города Могилева» хронист начинает с миссии Андрея Первозванного в «краях Российских, которые Русью зовутся». Древнерусская легенда дополнилась в его редакции существенной деталью: апостол во время своего путешествия благословил «и горы, на которых и Могилев» [5, с. 239], придав тем самым его возникновению сакральный смысл. Если в «Повести временных лет» легенда об Андрее служила способом утверждения авторитета христианской «Руси», а у Копыстенского и в Загоровском сборнике преследовала цель доказать религиозно-культурный суверенитет белорусско-украинской «Руси» в католической Речи Посполитой, то Сурта использует этот сюжет и для прославления Могилева как своей «малой родины».

Литература

1. Архив Юго-Западной России. – Киев, 1914. – Ч. 1. – Т. 8.
2. **Карташев, А.** Очерки по истории русской церкви: в 2 т./ А. Карташев. – М., 1992. – Т. 1.
3. Памятники полемической литературы в Западной Руси: в 3 кн. – Пб., 1878. – Кн. 1.
4. Повесть временных лет: в 2 ч. – М.-Л., 1950. – Ч. 1.
5. Полное собрание русских летописей. – М., 1980. – Т. 35.
6. **Саверчанка, І.В.** Старажытная паэзія Беларусі / І.В. Саверчанка. – Мн., 1992. – Дадагак.